

ЭТНОИНТЕГРИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЦЕРКВИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ БОЛГАРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА)

В.В. Бондарева, канд. ист. наук, доцент
Кубанский государственный технологический университет
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2024-4-4-38-44

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению этноинтегрирующей функции Болгарской православной церкви (Экзархата) в последней четверти XIX века, которая позиционируется автором как важнейший фактор, способствующий собиранию земель, населенных болгарами, в единое государство. В статье подчеркивается тесная взаимосвязь процесса создания национального церковного института с процессом государствообразования у болгар, и выявляются характерные особенности этноинтегрирующей функции Болгарской церкви в рассматриваемый период: взаимосвязь с другими функциями церкви (идентифицирующей, воспитательной и образовательной функциями); вписанность церкви в политическое пространство государства на фоне ограниченной секуляризации; высокая актуальность этноинтегрирующей функции церкви на внутри- и внешнеполитическом уровне; русофильский характер деятельности болгарской церкви в целом, в том числе и в плане реализации этноинтегрирующей функции. Учитывая роль церкви как внешнеполитического рычага княжеской политики на уровне реализации этноинтегрирующей функции, автор в заключении указывает на то, что деятельность Экзархата полностью соответствовала христианскому духу и носила глубоко миротворческий и просветительский характер как внутри государства, так и за его пределами.*

***Ключевые слова:** Болгарская православная церковь (Экзархат), Болгарское княжество, функции церкви, этноинтегрирующая функция, секуляризация, ирредентизм.*

Православие всегда играло для славянского мира глубоко важную роль, определяя и направляя культурно-историческое развитие общества. Хотелось бы подчеркнуть глубокую актуальность церковного института и в наши дни, когда происходят значительные изменения в общественном сознании в условиях цифровизации общества. Человеку становится доступна любая информация, в том числе и не всегда полезная для его духовного развития. В современных условиях православная церковь выступает оплотом и проводником высокой нравственности, нацеливая человека на непрестанное духовное самосовершенствование.

Православная церковь исторически выполняла в славянских государствах целый ряд функций: интегрирующую, идентифицирующую, стабилизирующую, воспитательную, образовательную и мировоззренческую. Социальная энергия, формируемая этими функциями, была настолько ве-

лика, что оказывала сильнейшее влияние на процессы государствообразования и дальнейшего развития государственности у славянских народов. Исторический опыт Болгарии свидетельствует о высочайшей значимости православной церкви в жизни болгарской нации и ее государственности.

Восстановление самостоятельной Болгарской православной церкви и обретение Болгарией политической независимости явились важнейшими событиями новой болгарской истории, плодом всенародного движения. Возникновение церковной организации болгар предшествовало образованию национального суверенного государства. Процесс создания национального церковного института у болгар был теснейшим образом связан с процессом государствообразования, о чем свидетельствуют термины, встречающиеся в историографической литературе, посвященной болгарской истории: «церковно-народный вопрос», «церковно-национальная борь-

ба», «национальное движение» и т.д. [1, с. 144, 156, 312; 2, с. 71]. Ключевой функцией Болгарской православной церкви являлась этноинтегрирующая функция, проявлявшая себя как в период османского владычества, так и в эпоху Освобождения Болгарии (1878 г.) и последующего развития ее государственности.

Экзархия предстала первым легитимным национально-политическим институтом, выступая своего рода прообразом нации и государственности на начальном этапе освободительного движения. Данная взаимосвязь имела решающее последствие для всей дальнейшей истории взаимоотношений светской власти и духовенства. Святые отцы Экзархата видели будущее государство непременно конфессиональным: в дихотомном отношении «*власть—церковь*» второе понятие подчиняло себе первое, сопрягая интересы общественности с интересами церкви и наоборот. И если в догосударственный период истории Экзархийской церкви данная модель выступала как вполне объективная и единственно возможная форма организации национально-политической действительности болгар, то с возникновением государства она начала трансформироваться, изменяя свое прежнее доминантное начало: государство стремилось утвердить свой приоритет по отношению к церкви и перераспределить функциональные роли во взаимодействии с ней (особенно это проявилось в вопросе об избирательных правах болгарского духовенства, которые постепенно сокращались) [3, с. 116-118; 4, с. 16].

Важным фактором, оказавшим влияние на динамику этих процессов, явился полусуверенный статус болгарского государства, ставивший ограниченную в своих возможностях светскую власть до определенного времени в зависимость от духовного института. Стоявшие перед Болгарским княжеством объединительные задачи (воссоздание территории страны в границах Сан-Стефанского договора 1878 г.) детерминировали активную роль церкви в политической жизни государства (использование Экзархата в качестве рычага княжеской политики ирредентизма в отноше-

нии македонских земель), вписывая ее, тем самым, в политическое пространство.

Данное обстоятельство наряду с неразвитостью собственно политических институтов и социально-экономической отсталостью страны определило собой ограниченность секуляризационных процессов в отношении духовенства, не позволивших утвердить основополагающий для модернизации принцип отделения церкви от государства. Этим, собственно говоря, во многом и объясняется специфика институционального устройства Болгарского княжества, в рамках которого Экзархат выступал, прежде всего, как особый социальный институт, оказывающий влияние на направленность не только внутренней, но и внешней политики [5, с. 41-45].

После Освобождения Болгарии правительство решило использовать национальную церковь в осуществлении государственно-национальных интересов, стремясь посредством религиозно-просветительской деятельности сформировать у болгарского населения Македонии и Фракии народное (болгарское) самосознание и поддержать тот национальный дух, который явится впоследствии важнейшей предпосылкой для совмещения границ нации с границами государства [6, д. 55, л. 49]. Таким образом, актуальность интегрирующей функции Болгарской православной церкви сохранялась и после Освобождения Болгарии, поскольку значительная часть болгар продолжала оставаться вне пределов болгарского государства [7, с. 192-196].

Исторический опыт болгарской политической практики позволяет трактовать болгарское духовенство как миротворческую силу чисто в христианском духе, что во многом обуславливалось позицией главы Болгарской православной церкви экзарха Иосифа I, полагавшего, что ни личные, ни партийные интересы не могут быть выше государственно-национальных. При этом хотелось бы конкретизировать, что болгарское духовенство в политическом отношении имело свои конкретные предпочтения, считая, что без России Болгария не мыслима. Россия со своей сторо-

ны уделяла большое внимание поддержке болгарского духовенства.

Материалы российских архивов содержат свидетельства об обсуждении российской стороной вопросов развития социально-политической ситуации Болгарии в последней четверти XIX, включая положение болгарского духовенства, нуждавшегося в активной дипломатической и материальной поддержке со стороны России [8, д. 960. л. 2; Там же. д. 962. л. 2; Там же. д. 960. л. 1-2]. Болгарское духовенство было крайне обеспокоено русофобской линией политической элиты Болгарии в последней четверти XIX века и видело большую опасность в отдалении от православной России-освободительницы, сыгравшей огромную роль в становлении и политическом развитии болгарского государства после Освобождения турецкого гнета в 1878 году, заботившейся об укреплении и развитии Болгарской православной церкви, исторически выступавшей фундаментом болгарской государственности и хранительницей болгарской национальной идеи [9, с. 21-28] (особенно в период османского владычества, когда православная церковь и монастыри являлись практически единственными хранителями национального духа болгар, их языка и литературы как важнейших элементов этнической идентификации и интеграции [10, с. 157; 11, с. 416; 12, с. 154; 13, с. 416-418; 14, с. 131, 256]).

Для Болгарской православной церкви была очень значима поддержка России, благодаря чему она значительно расширяла свои возможности в осуществлении этноинтегрирующей функции. Забота о церкви выступала особым направлением русской дипломатической миссии в Болгарии, нацеленной помимо политического благоустройства на обустройство духовных учебных заведений и в целом на поддержку духовенства [8, д. 987. л. 8]. После подписания Берлинского договора (1 июля 1878 г.) Болгарская православная церковь столкнулась с рядом важных и трудноразрешимых проблем: укрепление экзархийского ведомства в неосвобожденных болгарских землях с целью сохранения духовного единства расчлененной болгарской

национальной общности; освобождение из тюрьмы болгарских заключенных, осужденных турками (в числе которых находился и первый болгарский экзарх Антим) [8, д. 1927. л. 1-3.]; возмещение огромного материального ущерба, нанесенного церковно-храмовому хозяйству в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг., проведение необходимой коррекции в организации экзархийского административного управления вследствие изменившихся общественно-политических условий и т.д. Возникшие проблемы болгарское духовенство пыталось частично разрешить за счет активной поддержки русского управления в Болгарии, выделявшего средства на восстановление храмов и богословских училищ, предоставлявшего болгарским церквям необходимую утварь (облачения для священников; сосуды для совершения обрядов причастия, миропомазания, крещения; покровы для священного престола т.д.) и богослужбную литературу (псалтири, требники, четьи-минеи, часословы и т.д.) [15, д. 325. л. 66, 67; 16, д. 4062. л. 1-2].

Несмотря на ряд существующих проблем в церковной жизни, духовенство, по оценкам русских дипломатических представителей в Болгарии, обладало огромной силой и авторитетом в глазах всей болгарской общественности, в результате чего, могло оказывать ощутимое воздействие на социально-политические процессы, протекавшие в болгарском княжестве после Освобождения (1878 г.), вплоть до свержения русофобского правительства неугодного русофильски настроенному духовенству [8, д. 960. л. 1-2].

Столкновение социально-политических взглядов духовенства и правительства создавало почву для жесткой конфронтации между ними, которая и без того нарастала в условиях развивающихся процессов секуляризации и усиления тенденций светскости во внутривнутриполитической жизни Болгарского княжества в последней четверти XIX века. Русофильские предпочтения болгарского духовенства не устраивали русофобски настроенные политические верхи Болгарии, и, тем не менее, болгарское правительство не стремилось полно-

стью разрывать союз с церковью, в которой видело мощную силу, способную, с одной стороны, препятствовать распространению социалистической пропаганды внутри Болгарии (стабилизирующая функция церкви), с другой стороны, активно содействовать собиранию болгарских земель во внешней политике (этноинтегрирующая функция церкви). Стремление болгарского правительства опираться на Экзархат в решении задач внутренней и внешней политики, не смотря на его русофильство и сопротивление секуляризации, в свою очередь также свидетельствует о большой общественной силе, которую исторически сосредоточила в себе Болгарская православная церковь.

Как уже было отмечено выше, с возникновением независимого государства консолидация болгар была далеко не завершена [17, с. 742]. Поэтому с первых дней существования государства одной из важнейших внешнеполитических задач являлось объединение болгарских земель в рамках единого государства согласно модели Сан-Стефанского мира 1878 г. по которому должно было образоваться на территории от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера автономное Княжество Болгария. В основу консолидационной политики был положен национальный признак, являвшийся сущностной характеристикой и Болгарской православной церкви и самого Болгарского княжества. Одним из важнейших механизмов реализации выше обозначенной задачи выступало экзархийское просвещение, призванное создать основу для групповой идентификации македоно-фракийского населения как болгарского, чтобы в дальнейшем обеспечить на основании духовно-идеологического единства болгар и единство геополитическое, т.е. в границах одного государства. В данном случае мы сталкиваемся с уникальной этноинтегрирующей функцией православной церкви, проявляющей себя не только в условиях раннесредневекового политогенеза, но и в рамках нового и новейшего времени.

Софийское правительство необыкновенно горячо на рубеже нового и новейше-

го времени стремилось воплотить в жизнь мечту Великой (Целокупной) Болгарии посредством экзархийского просвещения, подкрепленного впоследствии военно-политическими методами. Возникает вопрос, почему в отношении Фракии и Македонии нельзя было действовать также как и в отношении Восточной Румелии в 1885 г., которая была присоединена к Болгарии после крупного болгарского восстания? Здесь необходимо учитывать следующие обстоятельства:

1) Фракия и Македония, имели иной по сравнению с Восточной Румелией международный политический статус, являясь турецкими вилайетами;

2) Болгарское княжество согласно Берлинскому трактату 1878 г. носило полусуверенный статус и обладало слабыми военными силами сразу после Освобождения Болгарии;

3) вопрос об этнической принадлежности македоно-фракийского населения нельзя было решить однозначно, что неоднократно отмечали и греки, и турки, и русские и сами болгары [18, с. 33-43].

Глава Болгарской православной церкви, Экзарх Иосиф, в частности, более всего опасался сербского фактора (и на то были свои причины), хотя обозначенный регион выступал средоточием действия помимо сербской, еще и греческой, австрийской, румынской и албанской пропаганд.

Указанные обстоятельства и определили деятельность Болгарского Экзархата в качестве приоритетного над военными методами механизма в плане реализации софийским правительством политики ирредентизма, что проявилось, прежде всего, в решениях Учредительного Собрания, открывшегося в Софии в феврале 1879 г.: в конституции Княжества православие было зафиксировано как государственная религия (статья 38) [19, с. 55]. Необыкновенно ценной для сущностного понимания этноинтегрирующей функции Болгарской православной церкви в процессе реализации доктрины болгарского национализма выступает докладная записка министра иностранных дел и исповеданий К. Стоилова от 17 декабря 1882 г., заключающая в себе общую позицию политической элиты Бол-

гории и адресованная болгарскому князю Александру Баттенбергу. В данной записке отмечалось, что национальную и социокультурную идентификацию возможно обеспечить только через посредство церковного просвещения, направленного не только на образование, но и воспитание молодого поколения неосвобожденных (турецких) болгар в духе глубокой преданности национальной болгарской идее и истории. «Каждый македонец должен проникнуться сознанием, – писал министр, – что в Софии заботятся о его судьбе, о его настоящем, о его будущем» [20, д. 3245. л. 31-39]. Важно отметить, что просвещение как таковое находилось в ведении Экзархата не только в пределах турецких вилайетов, но и в самой Болгарии – речь идет, главным образом, о начальном образовании, целью которого провозглашалось религиозно-нравственное воспитание болгарской молодежи. Закон Божий указывался в числе первых в списке полагающихся предметов.

Участие церкви в образовательном процессе Болгарии в последней четверти XIX века указывает на ограниченную природу секуляризации: правительство, проводя реформу, учитывало, прежде всего, два факта:

1) вероятность протеста со стороны христианского населения, не согласного с перестройкой образовательной системы на светский лад;

2) возможность опасного для существующего режима натиска со стороны социалистической пропаганды, которую весьма успешно способно сдерживать церковное просвещение.

Следует отметить, что этноинтегрирующие функции Болгарской православной церкви, столь явственно проявившиеся в последней четверти XIX столетия, на наш взгляд, нельзя связывать только с внешнеполитическими задачами, которые не представлялось возможным разрешить светскими методами ввиду ряда причин (полусуверенного статуса Македонии и Фракии, международного положения самого Болгарского княжества, а также неоднозначностью решения вопроса об

этнической принадлежности населения в пределах турецких вилайетов).

Этноинтегрирующие функции Экзархата проявляли себя и во внутривластном пространстве Болгарии, объединяя народ страны в единое целое за счет обеспечения идеологической унификации и укрепления позиций культурно-исторической преемственности. Отчасти, высокая актуальность этноинтегрирующей функции Болгарии исторически определялась самой сущностью Болгарского княжества, страдавшего в последней четверти XIX века от недостатка развития капитализма и гражданского общества, и от того напрямую тяготевшего к единоличному принципу управления, так прекрасно согласовывающемуся с христианской доктриной, провозглашавшей верховного правителя помазанником Божиим. Данная тенденция нашла свое конкретное воплощение в тезисе о «Союзе Церкви и Короны», вполне явственно обозначенном в совместных обращениях друг к другу Его Царского Высочества князя Фердинанда Кобургского и Его Блаженства экзарха Иосифа I по случаю юбилейной даты пребывания последнего во главе Болгарской православной церкви. Признавая огромные заслуги Иосифа I на просветительском поприще во Фракии и Македонии, Фердинанд называл себя преданным ему во Христе сыном и отмечал свои искренние чувства, и даже привязанность, по отношению к персоне Его Блаженства. При этом необходимо учесть, что отношения церкви и государства в Болгарии на протяжении последней четверти XIX века складывались по-разному: от сотрудничества к противостоянию (вплоть до жесткой конфронтации).

Глава болгарской православной церкви, экзарх Иосиф I, продолжал заниматься просвещением в турецких вилайетах вплоть до Балканских войн (1912-1913 годы), ввиду чего церковь выступала в роли главного рычага в болгарской политике собирания земель. Однако после создания Внешнего македоно-одринского комитета (1895 год) и активации правительством военных методов реализации объединительных задач в конце 1890-х гг., что было

связано как с экономическим развитием Болгарии, ростом ее военного потенциала, так и общими процессами расширения рамок секуляризации (отделения церкви от государства), церковь перестала играть ключевую роль в объединительной политике Болгарии.

Таким образом, в последней четверти XIX века Болгарская православная церковь выступала важнейшим внешнеполитическим рычагом, реализовывавшим этноинтегрирующую функцию в пределах земель, населенных болгарами и не вошедших в состав Княжества согласно Берлинскому трактату в 1878 году. Несмотря на то, что деятельность Экзархата являлась частью внешней политики правительства Болгарии в последней четверти XIX века, она полностью соответствовала христианскому духу и носила глубоко миротворческий и просветительский характер. Важной ха-

рактеристикой этноинтегрирующей функции Болгарской церкви была теснейшая взаимосвязь с другими функциями: идентифицирующей, воспитательной и образовательной, поскольку именно в процессе реализации трех выше обозначенных функций становилась возможной интеграция болгарского этноса в единое государство. В условиях нараставших секуляризационных процессов и развивавшихся среди политической элиты Болгарии русофобских тенденций поддержка России была важнейшим фактором, обеспечивающим и поддерживающим социально-политическую силу и мобильность Болгарской православной церкви в плане реализации ею этноинтегрирующей функции. Этноинтегрирующая функция церкви проявляла себя как во внешнеполитическом, так и во внутривнутриполитическом аспекте истории Болгарского княжества.

Библиографический список

1. Ников П. Възраждане на Българския народ. Църковно-национални борби и постижения. – София: Наука и изкуство, 1971. – 403 с.
2. Болгаро-российские общественно-политические связи (50-70-е гг. XIX в.). – Кишинев: Штиинца, 1989. – 265 с.
3. Бондарева В.В. Болгарский экзархат в 1878-1897 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2006. – 210 с.
4. Бондарева В.В. Болгарский экзархат в 1878-1897 гг.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2006. – 25 с.
5. Бондарева В.В. Институциональный порядок власти и церкви в христианско-историческом пространстве. Болгарский феномен // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – №10-2 (48).
6. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 192. Миссия в Софии. Оп. 782/2.
7. Бондарева В.В. Церковь как социокультурный фактор национальной консолидации болгар (последняя четверть XIX в.) // Наука Кубани. – 2005. – №2. – С. 192-196.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 730. Игнатъев Н.П. Оп. 1.
9. Бондарева В.В. О природе национализма балканских славян в последней четверти XIX – начале XX вв. (к постановке проблемы) // Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: проблемы прошлого и настоящего. Материалы международной научно-практической конференции. – Краснодар: КубГУ, 2011. – С. 21-28.
10. Погодин А.Л. История Болгарии. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910. – 225 с.
11. Динеков П. Книжовни средища в средновековна България // Исторически преглед. 1946-1947. Кн. 4-5. – С. 416-417.
12. Дамянов С. Православната църква и българската национална революция // Православието в България. София, 1974. – С. 154-155.

13. Нешев Г. Манастирите като пазители на българските държавни и културно-религиозни традиции през XV–XVIII век // България 1300. Институции и Държавна традиция. София, 1982. Т. 2. С. 416-418.
14. Чавръков Г. Български манастири. История. Култура. Искусство. – София: Хайни, 2000. – 272 с.
15. АВПРИ. Ф. 295. Консулство в Филиппополе. Оп. 824.
16. АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495.
17. Гандев Х. Проблеми на Българското възрождане. – София: Наука и изкуство, 1976. – 855 с.
18. Бондарева В.В. К вопросу о греко-болгарских церковных противоречиях в последней четверти XIX в. // Вестник Московского государственного открытого университета. – 2005. – № 1. – С. 33-43.
19. Коротких М.Г. Разработка и принятие Тырновской конституции Болгарии 1879 г. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1978. – 64 с.
20. АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2.

ETHNOINTEGRATING FUNCTION OF THE CHURCH IN THE PROCESS OF FORMATION OF THE BULGARIAN STATE (THE LAST QUARTER OF THE 19TH CENTURY)

V.V. Bondareva, *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor*
Kuban State Technological University
(Russia, Krasnodar)

***Abstract.** The article is devoted to the consideration of the ethno-integrating function of the Bulgarian Orthodox Church (Exarchate) in the last quarter of the 19th century, which is positioned by the author as the most important factor contributing to the gathering of lands inhabited by Bulgarians into a single state. The article emphasizes the close relationship between the process of creating a national church institution and the process of state formation among the Bulgarians, and identifies the characteristic features of the ethno-integrating function of the Bulgarian Church in the period under review: the relationship with other functions of the church (identifying, educational and educational functions); the incorporation of the church into the political space of the state against the backdrop of limited secularization; the high relevance of the ethno-integrating function of the church at the domestic and foreign policy level; the Russophile nature of the activities of the Bulgarian church as a whole, including in terms of the implementation of the ethno-integrating function. Considering the role of the church as a foreign policy lever of princely policy at the level of implementing the ethno-integrating function, the author in conclusion points out that the activities of the Exarchate were fully consistent with the Christian spirit and were deeply peacemaking and educational in nature both within the state and outside its borders.*

***Keywords:** Bulgarian Orthodox Church (Exarchate), Bulgarian Principality, functions of the church, ethno-integrating function, secularization, irredentism.*